

УДК 316.7

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-3-1-8

Исследовательская статья

Павлюткин И. В.

Кто задает смысл церковной жизни? Взгляд священников на «церковность» в перспективе социологии приходских общин

Лаборатория «Социология религии»,
Православный Свято-Тихоновский университет,
улица Новокузнецкая, дом 23б, Москва, 115184, Россия
vanya-ne@yandex.ru

Аннотация. В статье поднимается вопрос о концептуальных границах социологических исследований православной религиозности в России. Анализируется устойчивое расхождение между двумя сложившимися подходами – макросоциологией «генерализованной религиозности», фокусирующейся на индивидуальных практиках и самоидентификации, и социологией церковных общин, изучающей локальные взаимодействия священников и мирян. Показывается, что в рамках первого подхода фигура священника систематически выносится за скобки концептуализации и операционализации церковности, несмотря на растущее количество эмпирических доказательств её ключевой роли для запуска социальных механизмов приходской жизни. «Белым пятном» в социологии религии остается видение церковности самими священниками. В статье на материалах двух фокус-групп с участием 14 приходских священнослужителей Русской Православной Церкви, разделенных по возрастному принципу и стажу хиротонии, реконструируется такое коллективное видение церковности, предлагаемое духовенством. Выявлено, что для священников ключевыми признаками церковности выступают не формальные индикаторы (частота посещения храма, причастия), а плохо формализуемые в социологии качества – встроенность в ритм церковной жизни, церковное мышление, внутреннее отношение к церковной жизни и т.п. Сама возможность количественного измерения церковности оценивается священниками скептически. Развитие исследований приходских общин востребует видение церковности со стороны тех, кто так или иначе запускает церковную жизнь. Возможности операционализации и измерения этого видения может стать и задачей, и определенным вызовом для социологии религии.

Ключевые слова: церковность; религиозность; священник; социология религии; православные общины; традиция; духовник

Благодарности: автор благодарит участников круглого стола «Церковность и ее пределы» организованного Лабораторией исследования церковных институций ПСТГУ за комментарии к докладу, который лег в основу данной статьи.

Информация для цитирования: Павлюткин И. В. Кто задает смысл церковной жизни? Взгляд священников на «церковность» в перспективе социологии приходских общин // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 3. С. 289-300. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-3-1-8.

Ivan V. Pavlyutkin

Who sets the meaning of church life? The priests' vision of “churchliness” in the perspective of the sociology of parish communities

Sociology of Religion Laboratory in St. Tikhon’s University,
23b Novokuznetskaya St., Moscow, 115184, Russia
vanya-ne@yandex.ru

Abstract. The article raises the question of the conceptual boundaries of sociological research on Orthodox religiosity in Russia. It analyses the enduring disparity between two well-established approaches: the macrosociology of 'generalised religiosity', which centres on individual practices and self-identification; and the sociology of church communities, which examines the local interactions between priests and laypeople. It is shown that, within the first approach, the role of the clergy is systematically excluded from the conceptualization and operationalization of churchliness, despite increasing empirical evidence of their significant role in running social mechanisms within parish life. A “blind spot” in the sociology of religion remains a lack of understanding of the vision of churchliness from the priest’s perspective. Drawing on data from two focus groups comprising 14 parish priests of the Russian Orthodox Church, divided according to age and length of ordination, this article reconstructs the collective vision of church life proposed by the clergy. The article reconstructs such a collective vision of churchliness proposed by the clergy based on the materials of two focus groups with the participation of 14 parish priests of the Russian Orthodox Church, divided by age and ordination experience. It was revealed that for priests, the key signs of churchliness are not formal indicators (frequency of church attendance, communion), but poorly formalized qualities in sociology – embeddedness in the rhythm of church life, church thinking, inner attitude to church life, etc. Priests are skeptical about the very possibility of quantifying church life. The development of research on parish communities requires a vision of churchliness on the part of those who launch church life in one way or another. The possibilities of operationalizing and measuring this vision can become a perspective task and a definite challenge for the sociology of religion.

Keywords: churchliness; religiosity; priest; sociology of religion; Orthodox Christian communities; tradition; confessor

Acknowledgements: the author would like to thank the participants of the roundtable discussion “Churchliness and its Limits”, organized by the Laboratory for the Study of Church Institutions at St Tikhon’s Orthodox University for the Humanities, for their comments on the report that served as the basis for this article.

Information for citation: Pavlyutkin, I. V. (2026), “Who sets the meaning of church life? The priests' vision of “churchliness” in the perspective of the sociology of parish communities”, *Research Result. Sociology and Management*, 12 (3), 289-300. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-3-1-8.

Введение (Introduction). В последние десятилетия в поле эмпирических исследований российского православия стали заметно проглядываться два подхода. Первый связан с разработкой индикаторов и проведением измерений церковности (религиозности) населения для выделения различных типов, и оценки ее эффектов для общества (Чеснокова 2005;

Синелина 2006; Пруцкова 2012; Пруцкова, Маркин 2017; Кублицкая, Назаров 2019). Внутри этой макросоциологии религии довольно долго ведутся методологические споры о релевантности, согласованности и валидности тех или иных способов измерения церковности, связанные с интерпретацией различных правил церковной жизни и их дистанции от жизни современной (Филатов, Лункин 2005; Лебедев 2005; Лебедев, Сухоруков 2013; Синелина 2013; Лебедев 2020). Неизменным внутри этого подхода остается методическое ядро с фокусом на индивидуальные оценки, которые включают как вопросы о самоопределении, так и вопросы о практиках, которые затем генерализуются и распространяются на население, вне зависимости от параметров его структурной связанности. Такая социология «генерализованной религиозности» имеет свои преимущества — возможность делать выводы о состоянии и динамике «общества в целом» или же отдельных групп, а также строить количественные модели, которые статистически связывают формальные признаки индивидуальной религиозности с конкретными эффектами для установок, ценностей и поведения (Пруцкова 2013, Кублицкая, Лебедев 2019). Несмотря на возможности доказательного объяснения влияния религиозности на разные сферы жизни, одним из существенных ограничений такой макро-социологии является отсутствие понятий о тех социальных механизмах, которые позволяют увидеть значимые эффекты связей, или же наоборот объяснить их отсутствие.

Вторая версия социологии религии, пока еще менее заметная и разработанная, но активно набирающая опыт исследований в последние годы, это социология церковных или приходских общин (Забаев, Орешина, Пруцкова, 2012; Врублевская, 2015; Пруцкова, Байков, Павлов, 2024). В ее фокусе оказывается не «абстрактное» население, разбитое на группы по шкале церковности, а локальные, привязанные к храму взаимодействия священников и мирян – отдельный и часто незаметный на макроуровне мир с своими представлениями о том, что такое церковность и церковная жизнь. «Люди внутри приходских сообществ по целому ряду социальных параметров отличаются от тех, кто идентифицирует себя с православием, но не является постоянным прихожанином – следовательно, в приходской среде люди приобретают нечто большее, помимо принадлежности к православной религии» (Врублевская, 2025: 47). За последние годы появились исследования, которые изучают реальность общинной жизни в связи с практиками социального служения, общения священников и мирян, общения семей и практиками дарообмена и т.п. (Врублевская, 2025). Рост таких исследований стимулирует попытки построения типологий православных приходов, а также стимулирует дискуссию о поиске признаков общины, «живых сообществ» в современном православии (Агаджанян, Русселе, 2011; Забаев, Елагина, 2025). Важной частью этой перспективы, является анализ прихода как социального поля взаимодействия священников и мирян, которое отделено от остального мира, обладает определенной плотностью связей, структурой отношений, средой общения и т.п. Фактически это знание и формирует представления социологов о социальных механизмах, запускающих те или иные эффекты церковной жизни и которого так не хватает на макроуровне анализа. «Социальная механика передачи религиозных ценностей и норм (религиозная социализация) предполагает общение между духовенством или ядром религиозных общин и новичками – либо новообращенными, либо детьми, рожденными в определенной религиозной традиции» (Prutskova, 2021: 3).

Нельзя сказать, что между этими двумя версиями социологии все еще заметен значительный водораздел или интеллектуальное «трение», связанное с объяснением предикторов и эффектов церковности, а вместе с ним и видения роли православия в современной России. Однако, существует одно отличие, которое, на наш взгляд, становится критически важным для понимания и объяснения церковности и его эффектов.

Несмотря на то, что при разработке критериев для социологического измерения церковности происходило обращение к опыту церкви, ученые как правило игнорировали и

до сих пор игнорирует фигуру священника, вынося его за рамки определения церковности и измерения ее эффектов. Само понятие «индивидуальной религиозности» означает, что человек подверженный оценке занимает независимую позицию по отношению к священнику (он и не мирянин без священника). Хотя количественные вопросы об участии в богослужениях и участии в Таинствах такое взаимодействие с священником предполагают, однако оно никак не проговаривается социологами и рассматривается скорее, как «технический» акт или отражение церковного правила, за которым не стоит какое-то важное следствие для человека.

В последние годы вышло несколько статей, которые на данных опросов показали, что фигура священника имеет принципиальное значение при анализе влияния индивидуальной религиозности на изменение установок и ценностей. Например, когда в модель анализа эффектов религиозности добавляются признаки, отражающие взаимодействие человека с священнослужителем при одной и той же частоте посещения богослужений, этот фактор меняет значение связи между зависимой и независимыми переменными в части ценностей и установок, связанных с церковной и семейной жизнью, а также социальным служением (Емельянов, 2018; Prutskova, 2021; Алексеева, 2023). Выясняется, что близость или дистанция от священника имеет значение в том, что социологи получают на выходе при анализе церковности и ее эффектах. Масштабное исследование, замеряющее время, которое священники тратят на исповедь показало, что их ограниченное количество является одной из ключевых причин низкого уровня религиозности в России (Емельянов, 2019). На уровне локальных приходов было показано, что священник играет ключевую роль в запуске общения семей, социальной помощи, то есть признаков общинной жизни (Врублевская, 2015; Забаев, Елагина, 2025). «Община складывается там и тогда, когда священник, а вслед за ним и прихожане начинают помогать друг другу, проявлять внимание друг к другу, давая что-то безвозмездно (даря)» (Забаев, Елагина, 2025: 140). Взаимодействие с священником имеет важное значение для начала и устойчивости семейной жизни, поскольку влияет на усиление норм, связанных с добрачным сожительством, негативными установками на развод, а также поскольку его семья становится образцом для приходских семей (Емельянов, 2019; Алексеева, 2023). Замыкание приходской деятельности на себя или делегирование задач прихожанам может отражаться на активности и расширении социальной работы (Орешина, 2016). «Священник занимает ключевую позицию в приходской общине, именно священник обычно является центром, на который замыкаются связи всех прихожан, поэтому его личные характеристики и лидерские качества очень важны с точки зрения формирования крепкой общины» (Забаев, Пруцкова, 2012: 64). Доверие к священнику имеет принципиальное значение для расширения дарообменных практик, поскольку его структурная позиция как «третьего» позволяет снять проблему «независимости» и способствовать принятию дара или помощи со стороны других людей (Емельянов, Юдин¹, 2018). Итак, священник может занимать разную позицию в структуре прихода, которая будет иметь важное значение для организации социального взаимодействия прихожан вне богослужений.

Однако есть и более существенный вопрос для методологии исследования приходской церковной жизни, а именно: какое видение церковности имеет и вероятно транслирует сам приходской священник в процессе взаимодействия и насколько оно отличается от видения, транслируемого социологом, изучающим церковность и производящим знание о церковной жизни? Этот вопрос может иметь принципиальное значение для социологического анализа церковности, поскольку в случае социологии «агрегированной религиозности» в центре концептуализации оказывается независимый индивид, тогда как для социологии приходов это мирянин и прихожанин, что означает разную степень дистанции от священника,

¹ Признан Минюстом РФ иноагентом.

называющего тех или иных людей своими прихожанами. Более или менее очевидно, что простое накладывание рамки «индивидуальной религиозности» на реальность приходской жизни как минимум не ухватывает ее содержание, не позволяя увидеть, то что в ней реально присутствует и одновременно замечая то, чего в ней может и не существовать.

Далее мы представим результат небольшого исследования, с помощью которого удалось реконструировать определенное видение церковности священниками, а также отразить их взгляд на возможности ее измерения.

Методология и методы (Methodology and Methods). В 2024 году были проведены две фокус-группы с участием 14 священнослужителей Русской Православной Церкви с целью обсуждения понятия церковности и выработке критериев для ее определения. Для участия в разговоре были приглашены священнослужители, которые являются действующими сотрудниками Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. В чем состоит специфика данной группы священников? Во-первых, эти священники являются «университетскими священниками». Они имеют опыт преподавания, научной работы, администрирования, а также взаимодействия с молодыми людьми. 11 из 14 священников имеют ученую степень кандидата или доктора наук. Во-вторых, они являются приходскими общинными священниками, которые вовлечены в регулярное взаимодействие с прихожанами и связаны с определенной традицией. В-третьих, эти священники имеют опыт совместного служения и знают друг друга, несмотря на различия в возрасте, наличии ученых степеней и служения в разных храмах г. Москвы. В каждой групповой дискуссии участвовало по 7 священнослужителей. Основным признаком, отличающим две группы, был возраст священников, что в целом также отражалось на разнице в стаже хиротонии. Такое деление было связано с предположением, что между этими группами будут наблюдаться различия в понимании церковности. Однако нельзя сказать, что эти различия проявились. В первой группе возраст священников находится в диапазоне от 50 до 60 лет, а стаж священнической хиротонии от 20 до 30 лет. Во второй группе возраст священников был от 38 до 49 лет и стаж хиротонии был от 5 до 17 лет. В первой группе двое из семи священников не имели ученой степени. Во второй группе такой священник был один¹. Все священники, участвовавшие в дискуссии кроме одного, являются многодетными отцами. Сценарий дискуссии и вопросы были разделены на два блока. Первый блок связан с обсуждением того, что такое церковность и можно ли определить церковного человека. Второй блок вопросов был посвящен тому в каких сферах жизни и как проявляется церковность.

Высказывания делались по кругу, но периодически они сопровождались комментариями (иногда юмористическими) и дискуссией вокруг тех или иных суждений о церковности, которые делали священники. Участники периодически задавали встречные вопросы модератору.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Мы представляем результаты анализа фокус-групп в обобщенном и структурированном виде². Их можно считать результатом коллективного процесса мыследеятельности священников. До того, как перейти к описанию их представления о церковности, стоит представить их аргументы в пользу того, что измерение церковности в принципе не самое стоящее предприятие. Аргументы о сложности, искаженности и даже бессмысленности такого измерения обсуждались в течение обеих дискуссий. Как правило в аргументах присутствовали определения церковности и церковной жизни как *настоящей, живой, искренней, истинной* в противовес *формальной, внешней, условной*. В целом в рассуждениях

¹ Длительность первой фокус-группы составила 110 минут, второй фокус-группы 157 минут. Всего 267 минут (более 4 часов) записи.

² В целях анонимизации мы опустили информацию о конкретной отрасли науки по которой была получена ученая степень.

священников о церковности присутствуют прилагательные, которые характеризуют ее качество и определенное отношение, то есть отсутствие «нейтрального» отношения. *«Церковность, её нельзя как-то вот сформулировать и определить цифрами, количествами. Человека нельзя просчитать, как таблицу умножения»* (священник, к.н., стаж 25 лет).

Итак, почему, по мнению священников, не стоит заниматься измерением «церковности».

Первый тезис состоял в том, что «церковность» является категорией, которую нельзя до конца объяснить рационально, поскольку она не отражает только вопросы разума и прагматизма, но и вопросы веры. Например, один из священников подчеркнул, что вера в Бога предполагает действие Духа Святого, которое объяснить рационально невозможно. Церковный человек должен это понимать. *«Если человек не верующий, будет соблюдать церковные обряды, то он не станет церковным»* (священник, к.н, стаж 14 лет).

Второй тезис состоял в том, что церковность отражает внутреннее устройства человека, в котором всегда присутствует некая «тайна сердца». Измерение церковности схватывает то, что лежит на поверхности, а не то, что скрыто внутри. Важным оказывается внутреннее устройство человека. *«Как на грядке морковь: Вы поливаете зелененькую, а есть будете красненькую. Мы пытаемся ухватиться за зелененькую, хотя подразумеваем красненькую»* (священник, к.н, стаж 20 лет). В этом смысле есть опасность измерения церковности состоит в подмене того, чтобы было измерено, тем что есть на самом деле.

Третий тезис состоял в том, что церковность не может быть формализована в виде определенного набора индикаторов, отражающих определенные правила, поскольку в этом есть опасность «показной церковности» или «фарисейства». Речь идет о формальном отношении человека к Таинствам, проявлению внешней обрядовости без искренней любви к Богу и церкви. *«Мы получаем такое искусственное показное благочестие, даже лицемерие, фарисейство»* (священник, стаж 30 лет).

Четвертый тезис состоял в том, что церковность не является статичной или раз и навсегда определенной для конкретного человека. Церковность задает перспективу роста человека и может быть оценена только в перспективе его изменений. *«Говорить, что человек по-настоящему церковный, невозможно ни о ком из нас. ... Церковность – это перспектива, безграничная». «Человек растёт, и растёт его понятие церковности»* (священник, к.н., стаж 9 лет).

В этом смысле церковность с точки зрения священников является плохо уловимой для неискаженного измерения категорией. Одновременно в случае приходской социологии это может вести к одобряемым ответам, которые продемонстрируют внешнюю обрядовость, но мало что скажут о «настоящей церковности» исследуемых групп.

На следующем шаге мы обобщили и структурировали то, каким образом священники, участвовавшие в групповой дискуссии, понимают «церковность». В целом по ходу разговора было несколько раз подчеркнуто, что необходимым условием «церковности» является вера в Бога. Церковность прежде всего предполагает осознание человеком себя частью Церкви, в центре которой находится Христос, а также веру в действие Духа Святого. *«Вот Иустин Попович очень важно сказал, что, если ты любишь ближнего и не любишь Бога – это самовлюбленность. Если ты не любишь Бога, а любишь ближнего – это самообман. Вот именно что, если на первом месте Христос, и ты любишь Христа и людей, тогда ты человек церковный. А все остальное, там даже количество причастий и прочее, мне кажется, уже выстраивается после»* (священник, стаж 28 лет).

Церковность предполагает встроенность человека в определенный ритм церковной жизни, который связан с богослужениями, постами, праздниками. Цикл церковной жизни и ее ритм отражены в церковном календаре и уставе. *«У церковной жизни есть ритм: богослужения, посты, праздники. Если человек встроиться в этот ритм, дальше церковная жизнь сама его понесет»* (священник, д.н., стаж 9 лет). По мнению священников, важно, не

просто посещение служб, а, чтобы жизнь человека двигалась в этом ритме. В такое понимание также входит регулярное чтение Евангелия и определенных молитвенных правил. Проблема заключается в том, что ритмы повседневной жизни человека, связанные с работой или сезонными сменами асинхронны ритму церковной жизни. Это касается наложения тех или иных праздников и постов на рабочие дни или отпускные дни, что осложняет встраивание в этот ритм. Например, один из священников приводит в пример семью, в которой мужчина заранее взял на работе отпуск, когда было выгодно, но отпуск частично наложился на Страстную неделю Великого поста. Получилось, что человек взял отпуск от «церковной жизни».

Церковность означает определенное отношение к богослужению, уставу и Таинствам. С одной стороны, священники согласны с тем, что: *«Без церковной жизни внешней, без прихода в храм, без исповеди, без причастия Бог в душе чаще всего просто не сохраняется»* (священник, к.н., 14 лет). Однако в ходе обсуждения они используют целый набор прилагательных: *страх, любовь, уважение, искренность*, которые говорят о том, что церковный человек должен не просто соблюдать внешнюю обрядовость, а быть внутренне настроенным к богослужению и причастию. *«Церковность – это не просто частоту причастия, а про причастие со страхом Божьим, когда человек понимает, что такое для него причастие»* (священник, стаж 18 лет). Приводятся в пример истории, когда люди с течением времени начали соблюдать церковный устав формально.

Церковность означает следование преданию и традиции. При этом священники указывали несколько разных традиций, которые могут быть связаны с монастырской традицией или традицией определённых духовников. *«Псково-Печерский монастырь – там своя традиция духовничества. Люди туда приходят именно за тем, чтобы видеть живую церковную жизнь»* (священник, к.н., стаж 19 лет) Чтобы прояснить, что такое следовать традиции один священник высказался так: *«Если ты спрашиваешь, как сделать, он [священник] говорит: сделай так. Почему? Потому что он так делал и до него так делали. Мне он так говорил, он так делал. Если он до сих пор в этом не разочаровался, то что тебе? Бери готовое решение»* (священник, к.н., 10 лет). Это рассуждение близко к другому суждению священника о том, что традиция сама управляет в Церкви. *«Это не просто пустая мертвая традиция, которую мы пытаемся сохранить. Она жива, и сама управляет...»* (священник, к.н., 26 лет). Другой священник также говорит о традиции и важности послушанию духовника. *«Для меня предание – это тоже наличие духовника, потому что когда отец ... говорит, что предание важно, то для меня это то, что отец ... мне сказал и я так делаю»* (священник, к.н., стаж 29 лет). *«Важно, что я это предание принял из рук моего духовника, а не откуда-то из книг»* (священник, к.н., стаж 20 лет). Важным элементом церковности было признано наличие духовника и послушание духовнику как послушание Церкви.

По ходу дискуссии возник вопрос о том, означает ли следование традиции отсутствие рефлексии по поводу того, чему ты следуешь. Отчасти она возникает поскольку ориентация на традицию противопоставляется модернизму, в том числе среди священников. *«Традиция – это то, что не надо рефлексировать. Можно рефлексировать, но часто это не определяется рефлексией»* (священник, стаж 18 лет). *«Ну, тебе сказали так. Даже без вопросов, почему. Вот так. Потому что так принято. И всё. И дальше ты идёшь по жизни. И так до революции жили поколениями миллионы людей русских»* (священник, стаж 11 лет). Возникла и другая позиция, которая скорее связана с признанием теми, кто следует традиции Божественного присутствия, что означает не просто «слепое следование». *«Человек, который следует традиции, он всё равно рефлексировать, поскольку он осознает, что эта жизнь управляется Святым Духом. В этом смысле церковь прислушивается к себе, что-то переосмысливает. Что-то в традиции приживается и остается, а что-то не остается в том числе потому, что здесь стоит сам Господь»* (священник, к.н., стаж 12 лет).

В этой связи было предложено также понятие «церковного мышления» отражающего доверие Церкви и определенное отношение к ней, предполагающего не противопоставление, а ощущение себя частью чего-то большего. *«И вот мы говорим: надо верить в Бога, смиряться перед Богом, благоговеть перед Богом. А всё то же самое, оно же к Церкви относится. Надо верить в Церковь, благоговеть перед Церковью, смиряться перед Церковью. И через это тоже Господь раскрывается, через какую-то соборность церковную, множественность какую-то. И в этом смысле, что значит церковное мышление? Молодые люди, им в Церкви многое не нравятся, в Церкви плохо, они все хотят реформировать Церковь, изменить Церковь. Все проходят такой кризис, я вырасту, изменю Церковь, стану патриархом, все поменяю. Или я все придумаю, как все поменять. То есть люди себя противопоставляют Церкви, наоборот, вместо того, чтобы ощутить себя частью этого большого целого, которое больше тебя. И тебе только надо в это все больше и больше встраиваться, где ты сам себя найдешь. Ты становишься человеком через Церковь. Человеком религиозным, церковным. Вот в этом смысле мышление церковное. Это очень важное ощущение доверия к Церкви и ощущение себя частью этого большого Дома Божия, в который ты пришел из которого ты не уходишь даже после смерти. Ты вошёл в сообщество церковное. И даже когда ты умрёшь, ты всё равно в нём останешься»* (священник, д.н., стаж 10 лет).

Церковность означает целостность жизни человека. Речь идет о том, что человек не может быть церковным только внутри храма и не быть церковным за его оградой, попадая в те или иные жизненные обстоятельства или нецерковные круги общения. Она проявляется именно тогда, когда человек оказывается вне церковной среды, и сталкивается с нецерковными людьми. *«Церковность – это про жизнь. Ничего не меняется, когда ты из храма домой приходишь».* *«Любой человек церковный должен вести себя, как человек, представляющий церковь вне церкви»* (священник, к.н., стаж 25 лет). Один священник привел в пример своего сына, служившего в армии, где вокруг него нормой было использование мата в повседневном общении. Очень легко за короткое время под влиянием такой среды общения самому начать использовать мат, однако в случае сына священника произошло обратное. Духовник сказал ему читать про себя Иисусову молитву. Спустя какое-то время, когда сына лучше узнали сослуживцы, то в общении с ним перестали использовать мат. Для священника это был пример церковности, как способности удержать себя в целостности вне церковной ограды.

В центре священнического понимания церковности стоит не соответствие человека правилам религиозной жизни или его предпочтения относительно тех или иных религиозных практик. В центре стоит глубина погружения человека в реальность церковной жизни, обладающей определенным ритмом. Как передается такое понимание церковности? Священники говорят о том, что оно может передаваться через личный пример, живое общение, а также подражание по настоящему церковным людям. Например, один священник приводит в пример своего отца, который также был священником, пострадал за Церковь. Другой приводит в пример своего духовника, который передал ему традицию церковной жизни и священства. Третий приводит в пример жизнь святого и желание подражать его духовным подвигам. По мнению священников, этому понимаю сложно научиться только через книги или даже регулярное посещение храма, оно предполагает живое общение.

В целом дискуссия характерна тем, что люди с высокой степенью рефлексивности и научной квалификацией при обсуждении понятия церковности настойчиво избегают как научной терминологии, так и просто попытки рационализировать понятие. Иногда выражая это неприятие достаточно эмоционально. Рационализация церковности вызывает внутреннее несогласие и раздражение. В конечном итоге, по мнению духовенства, определить церковность человека можно только в личном общении, узнавании другого человека, как церковного. Такая трактовка заставляет обратить особое внимание на показатели, связанные

с общением церковных людей между собой, в частности – общение со священником. С другой стороны, собственную церковность, как и церковность своих прихожан или членов своих семей, священники склонны описывать именно через практики. При этом рассматривают их только как некие средства, причем не всегда обязательные, для достижения церковности, но не как ее проявление.

Заключение (Conclusion). Проведенное исследование, основанное на анализе дискуссий с двумя группами приходских священников, позволяет сделать ряд выводов, важных как для понимания феномена церковности, так и для развития социологии религии в целом.

Наше исследование зафиксировало устойчивое расхождение между «социологической» и «священнической» операционализациями церковности, хотя между ними есть точки соприкосновения¹. Если в макросоциологии религиозность измеряется через индивидуальные практики и самоидентификацию (частота посещения храма, частота причастия, соблюдение обрядов), то для священников ключевыми оказываются принципиально иные, неформализуемые категории: глубина внутреннего устройства, встроенность в ритм церковной жизни, следование традиции (включая послушание духовнику) и целостность личности, проявляющаяся за пределами храма. Эти представления не сводимы к сумме индикаторов и, более того, вызывают у священников скепсис в отношении самой возможности «измерения» церковности, которое они рассматривают как источник искажений («показное благочестие», «фарисейство»).

Результаты нашей дискуссии с священниками показали, что священник дает такое видение или планку церковности, которое на первый взгляд сильно сужает для социологии религии возможности обсуждать церковность «большого общества». С другой стороны, одним из ключевых источников содержания церковности тех, кого социологи определяют, как «воцерковленное население» или постоянные прихожане храмов, является сам священник.

Однако мы хотели бы также указать не только на фиксацию расхождений. Мы показали, что существующий в литературе водораздел между «социологией генерализованной религиозности» и «социологией приходских общин» имеет под собой не только разный фокус, но и разные онтологии. Первая исходит из автономного индивида, чью религиозность можно измерить набором формальных вопросов. Вторая, как следует из видения священников, требует анализа отношений (близость/дистанция к священнику, доверие, послушание) и локальных традиций. Исследования социологов показывают, что приходской священник не просто еще один фактор среди многих, а ключевой медиатор и модератор церковной жизни, без учета которого любые объяснения эффектов религиозности (в семье, политике, социальном служении) рискуют быть не релевантными. При этом священники артикулируют то, что редко попадает в опросники, но самих священников социологи практически не опрашивают и не снимают их видение церковной жизни. Тем не менее можно предположить, что при невозможности положительной фиксации церковности через частоту тех или иных практик, можно ставить вопрос об ограничительном характере подобных показателей. Например, вряд ли можно предположить, что священники согласятся с тем, что возможны конкретные примеры церковных людей, никогда не причащающихся. Подобная постановка вопроса могла бы дать возможность на установление связи между онтологически разными подходами.

Разумеется, наше небольшое исследование имеет ограничения. Мы реконструировали коллективное мнение особой группы священников — «университетских», с высоким образовательным уровнем и учеными степенями, а также опытом общинной жизни с

¹ «Воцерковление – это добровольное признание человеком влияния Церкви через усвоение себе установленного в ней образа жизни и образа мыслей» (Чеснокова, 2005: 18).

молодыми людьми и ее рефлексии. Вместе с тем такие характеристики священников имеют и объективную пользу для исследования, т.к. в этом случае они имеют квалификацию экспертов в вопросах богословия и церковной жизни. Можно ожидать, что видение церковности у рядового сельского или городского настоятеля, не связанного с академической средой, будет иным (например, более ориентированным на устав или местную традицию). Сравнительные исследования разных когорт и типов священников – следующая необходимая задача.

Тем не менее, мы хотели обосновать, что фигура священника не может оставаться «белым пятном» в социологии религии. Она не просто запускает социальные механизмы в приходской общине, но и задает саму смысловую рамку того, что значит быть церковным. Игнорировать это видение – значит развивать социологию религии вне понимания внутреннего содержания изучаемого феномена.

Список литературы

Алексеева П. А. Связь религиозности и ценностно-нормативных представлений о браке: взгляд российской брачной молодежи // Мир России. 2023. Т. 32, № 3. С. 119-144. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-3-119-144. EDN: FEENOM.

Емельянов Н., Юдин Г. Структурная позиция священника в системах дарообмена // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, №. 3. С. 9-29. DOI: 10.17323/1728-192X-2018-3-9-29. EDN: YNNFKX.

Емельянов Н. Н. Парадокс религиозности: откуда берутся верующие? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2 (144). С. 32-48. DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.02. EDN: XOFYDJ.

Емельянов Н. Н. Значение семьи православного священника в пастырском служении: богословский подход // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. № 82. С. 34-50. DOI: 10.15382/sturI201982.34-50. EDN: DGQUMU.

Врублевская П.В. Исследуя церковную общину в малом городе: роль священника и другие аспекты православной общинности // Laboratorium. 2015. № 3. С. 129-144. EDN: WMUDYX.

Врублевская П. В. Православный приход в социологической перспективе: эхо теории в стенах эмпирики // Пути России. 2025. Т. 3, №. 1. С. 43-57. EDN: VXWQGF.

Забаев И. В., Орешина Д. А., Пруцкова Е. В. Три московских прихода: основные социально-демографические показатели и установки представителей общин крупных приходов. Москва, 2012. ISBN: 978-5-7429-0750-3. EDN: TFSQZL.

Забаев И., Елагина В. Община православного храма. Индивидуализм, смирение, справедливость // Социологическое обозрение. 2025. Т. 24, №. 2. С. 137-163. DOI: 10.17323/1728-192x-2025-2-137-163. EDN: BURVAP.

Кублицкая Е. А., Назаров М. М. Динамика религиозности в современной России (по данным исследований в столичном регионе) // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89, №. 11. С. 1120-1127. DOI: 10.31857/S0869-587389111120-1127. EDN: RNDVMC.

Кублицкая Е. А., Лебедев С. Д. Религиозная ситуация в Белгородской области (мониторинговые исследования) // Социально-гуманитарные знания. 2019. №. 6. С. 160-180. EDN: KFNWNN.

Лебедев С. Д. Религиозность: в поисках “рубикона” // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 153-168. EDN: PCNLXZ.

Лебедев С. Д., Сухоруков В. В. Тесный путь не туда? // Социологические исследования. 2013. Т. 1. С. 118-126. EDN: PMKWKP.

Лебедев С. Д. Виртуализация религиозного сообщества как ключ к пониманию эволюции социологических концепций религиозности // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Т. 4, №. 3. С. 85-104. DOI: 10.24833/2541-8831-2020-3-15-85-104. EDN: WNOTCA.

Орешина Д. А. «Партнерский приход»: сотрудничество священнослужителей и мирян как фактор развития социальной деятельности в современных приходах Русской Православной Церкви // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. 2016. Вып. 5 (67). С. 99-120. DOI: 10.15382/sturI201667.99-120. EDN: WVPLAF.

«Партнерский приход»: Сотрудничество священников и мирян в развитии социальной деятельности в приходах РПЦ в начале XXI века / Орешина Д. А., Врублевская П. В., Забаев И. В., Павлюткина Е. Л. Москва: Издательство ПСТГУ, 2018.

Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности / под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. М., 2011.

Пруцкова Е. Операционализация понятия «религиозность» в эмпирических исследованиях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. №. 2 (30). С. 268-293. EDN: PINQHV.

Пруцкова Е. В., Маркин К. В. Типология православных россиян: проблема конструирования обобщенного показателя религиозности // Социологические исследования. 2017. №. 8. С. 95-105. DOI: 10.7868/S0132162517080116. EDN: ZGOXSX.

Пруцкова Е. В. Религиозность и ее следствия в ценностно-нормативной сфере // Социологический журнал. 2013. № 2. С. 72-88. EDN: QIXFRZ.

Пруцкова Е. В., Байков М. Д., Павлов Н.М. Семья и община: межпоколенческая передача религиозности на приходах Русской Православной Церкви // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, №. 4. С. 50-63. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-3. EDN: DKEDGQ.

Синелина Ю. Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 89-99.

Синелина Ю. Ю. О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах его изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман) // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 104-115. EDN: RDRNXB.

Филатов С. Б., Лункин Р. Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 35-45. EDN: OOUKPB.

Чеснокова В. Ф. Тесным путем. Процесс воцерковления населения России в конце XX века. Москва: Академический Проект, 2005.

Prutskova E. V. Social vs. Individual Centrality of Religiosity: Research in Religious and Non-Religious Settings in Russia // Religions. 2021. Vo. 12, № 15. Pp. 1-18.

References

Alekseeva, P. A. (2023), "The connection between religiosity and value-normative ideas about marriage: the view of Russian married youth", *Mir Rossii*, 32(3), 119-144, DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-3-119-144, EDN: FEENOM. (In Russian)

Emelyanov, N., Yudin, G. (2018), "The structural position of a priest in gift exchange systems", *Russian Sociological Review*, 17(3), 9-29, DOI: 10.17323/1728-192X-2018-3-9-29, EDN: YNNFKX. (In Russian)

Emelyanov, N. N. (2018), "The paradox of religiosity: where do believers come from?", *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, (2(144)), 32-48, DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.02, EDN: XOFYDJ. (In Russian)

Emelyanov, N. N. (2019), "The importance of the family of an Orthodox priest in pastoral ministry: a theological approach", *St. Tikhon's University Review. Series 1: Theology. Philosophy. Religious Studies*, (82), 34-50, DOI: 10.15382/stur1201982.34-50, EDN: DGQUMU. (In Russian)

Vrublevskaya, P. V. (2015), "Exploring a church community in a small town: the role of the priest and other aspects of Orthodox community", *Laboratorium*, (3), 129-144, EDN: WMUDYX. (In Russian)

Vrublevskaya, P. V. (2025), "Orthodox parish in sociological perspective: echo of theory within the walls of empirics", *Puti Rossii*, 3(1), 43-57, EDN: VXWQGF. (In Russian)

Zabaev, I. V., Oreshina, D. A., Prutskova, E. V. (2012), *Tri moskovskikh prikhoda: osnovnye sotsialno-demograficheskie pokazateli i ustanovki predstaviteley obshhin krupnykh prikhodov* [Three Moscow parishes: basic socio-demographic indicators and attitudes of parishioners of large parishes], Moscow, Russia, ISBN: 978-5-7429-0750-3, EDN: TFSQZL. (In Russian)

Zabaev, I., Elagina, V. (2025), "Orthodox church community: individualism, humility, justice", *Russian Sociological Review*, 24(2), 137-163, DOI: 10.17323/1728-192x-2025-2-137-163, EDN: BURVAP. (In Russian)

Kublitskaya, E. A., Nazarov, M. M. (2019), "Dynamics of religiosity in modern Russia (based on research in the capital region)", *Vestnik Rossiyskoy Akademii Nauk*, 89(11), 1120-1127, DOI: 10.31857/S0869-587389111120-1127, EDN: RNDVMC. (In Russian)

- Kublitskaya, E. A., Lebedev, S. D. (2019), "Religious situation in the Belgorod region (monitoring studies)", *Sotsialno-Gumanitarnye Znaniya*, (6), 160-180, EDN: KFNWNN. (In Russian)
- Lebedev, S. D. (2005), "Religiosity: in search of the 'Rubicon'", *Sotsiologicheskii Zhurnal*, (3), 153-168, EDN: PCNLXZ. (In Russian)
- Lebedev, S. D., Sukhorukov, V. V. (2013), "A narrow path to wrong place?", *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 1, 118-126, EDN: PMKWKP. (In Russian)
- Lebedev, S. D. (2020), "Virtualization of Religious Communities as a Key Tool to Understanding the Evolution of Sociological Concepts of Religiosity", *Concept: philosophy, religion, culture*, 4 (3), 85-104, DOI: 10.24833/2541-8831-2020-3-15-85-104, EDN: WNOTCA. (In Russian)
- Oreshina, D. A. (2016), "Partner parish: cooperation of clergy and laity as a factor in the development of social activities in modern parishes of the Russian Orthodox Church", *St. Tikhon's University Review. Series 1: Theology. Philosophy. Religious Studies*, (5(67)), 99-120, DOI: 10.15382/stur1201667.99-120, EDN: WVPLAF. (In Russian)
- Oreshina, D. A., Vrublevskaya, P. V., Zabaev, I. V., Pavlyutkina, E. L. (2018), «Partnerskiy prikhod»: Sotrudnichestvo svyashhennikov i miryan v razvitii sotsialnoy deyatel'nosti v prikhodakh RPTs v nachale XXI veka [Partner parish: cooperation of priests and laity in the development of social activities in parishes of the Russian Orthodox Church in the early 21st century], St. Tikhon's University Press, Moscow, Russia. (In Russian)
- Prikhod i obshchina v sovremennom pravoslavii: kornevaya sistema rossiyskoy religioznosti* Parish and community in modern Orthodoxy: the root system of Russian religiosity] (2011), ed. by Agadjanian, A., Rousselet, K., Moscow, Russia. (In Russian)
- Prutskova, E. (2012), "Operationalization of the concept of religiosity in empirical research", *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, (2(30)), 268-293, EDN: PIHQHV. (In Russian)
- Prutskova, E. V., Markin, K. V. (2017), "Typology of Orthodox Russians: the problem of constructing a generalized indicator of religiosity", *Sociological Studies*, (8), 95-105, DOI: 10.7868/S0132162517080116, EDN: ZGOXSX. (In Russian)
- Prutskova, E. V. (2013), "Religiosity and its consequences in the value-normative sphere", *Sotsiologicheskii Zhurnal*, (2), 72-88, EDN: QIXFRZ. (In Russian)
- Prutskova, E. V., Baykov, M. D., Pavlov, N. M. (2024), "Family and community: intergenerational transmission of religiosity in parishes of the Russian Orthodox Church", *Research Result. Sociology and Management*, 10(4), 50-63, DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-3, EDN: DKEDGQ. (In Russian)
- Sinelina, Yu. Yu. (2001), "On criteria for determining the religiosity of the population", *Sociological Studies*, (7), 89-99. (In Russian)
- Sinelina, Yu. Yu. (2013), "On the dynamics of religiosity of Russians and some methodological problems of its study (religious consciousness and behavior of Orthodox and Muslims)", *Sociological Studies*, (10), 104-115, EDN: RDRNXB. (In Russian)
- Filatov, S. B., Lunkin, R. N. (2005), "Statistics of Russian religiosity: the magic of numbers and ambiguous reality", *Sociological Studies*, (6), 35-45, EDN: OOUKPB. (In Russian)
- Chesnokova, V. F. (2005), *Tesny'm putem. Protsess votserkovleniya naseleniya Rossii v kontse XX veka* [The narrow path: the process of churching of the Russian population at the end of the 20th century], Akademicheskii Proekt, Moscow, Russia. (In Russian)
- Prutskova, E. V. (2021), "Social vs. individual centrality of religiosity: research in religious and non-religious settings in Russia", *Religions*, 12(15), 1-18.

Статья поступила в редакцию 04 апреля 2026 г. Поступила после доработки 28 мая 2026 г. Принята к печати 01 июня 2026 г.

Received 04 April 2026. Revised 28 May 2026. Accepted 01 June 2026.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Павлюткин Иван Владимирович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Социология религии» ПСТГУ, Москва, Россия.
Ivan V. Pavlyutkin, Candidate of Sociological Sciences, Senior Research Fellow, Sociology of Religions Laboratory, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russia.